

Наталья Калашник

ПРОСТИ МЕНЯ

1

Это была не она.

Из зеркального отражения на нее смотрел кто-то совершенно чужой. Ровно подстриженные по плечи рыжие волосы подхвачены у лба изящным обручем, на ресницах слой туши, а прозрачно-голубые глаза кажутся слишком измученными, несмотря на то что аккуратно подведены темно-коричневым карандашом; и даже персиковые румяна на скулах не могут скрыть того, какая она бледная и напуганная.

Ей приказали дышать ровно и держать подбородок высоко поднятым. Но разве ей это по силам? Двадцать восемь лет своей жизни Элла провела, опустив плечи. Никакие парикмахеры и стилисты не в силах сотворить чудо. Каждому вокруг известно, что дочь Лизы Гончаровой — ничтожество.

На кровати ее ожидало строгое платье без рукавов с глухим воротом цвета слоновой кости. Дополнить его предстояло нитью жемчуга из шкатулки, которая уныло взирала на нее с белого комода, расписанного золотыми трилистниками,

удачно гармонирующими с золотом на тяжелых занавесках. Из окон щедро лился солнечный свет. Лето стояло в самом разгаре, а в огромной спальне, посреди которой Элла застыла в нерешительности, было холодно. А, может, холод сковал ее изнутри?

В дверь постучали и напомнили о том, что она должна поторапливаться.

Элла с силой заставила себя снова взглянуть на свое отражение. Это не ее лицо, снова пронеслось в голове. Ее волосы обычно беспорядочно вились вокруг лица неукротимой дикой массой, а скулы были более острыми, но каким-то образом румяна и тонкий слой тонального крема изменили ее лицо до неузнаваемости. Она не смела возражать. Единственная поблажка, которую ей позволили, — оставить нетронутыми губы. Почти. Если не считать капельки блеска. Обычно Элла никогда не пользовалась косметикой. В этом просто не было смысла: она была жуткой уродиной — тощей, неуклюжей, лохматой.

— Вас будут снимать на камеру. Фотографы не оставят вас в покое, пока не получат свою порцию крови, — официальным тоном объяснила ей эту необходимость Люда Терещенко, бывшая личным секретарем и правой рукой ее матери. — Весь мир замер в ожидании: как будет вести себя новая глава компании «Медиаком»...

А потом долгая лекция о том, что она должна

делать и что ей категорически запрещено.

Никто не спросил о том, что думает сама Элла по этому поводу. А ведь тринадцать лет назад она поклялась себе, что никогда больше не ступит за порог этого огромного мрачного дома и не признает, кто она такая! Слишком много обид и неприятных воспоминаний. Слишком много времени в бесплодном ожидании того, что мать наберет ее номер телефона и попросит прощения. Но чудо так и не произошло. И только тринадцать лет спустя Лиза Гончарова вспомнила о том, что у нее есть дочь, вписав ее имя в свое завещание и сделав единственной наследницей миллионов семьи Гончаровых...

Элла не могла побороть неприятную тошноту. Огромный дом в самом центре Печерского района уже начали осаждать журналисты, они пытались прорваться через высокое ограждение и, кажется, были настроены весьма решительно в своей неумной жажде докопаться до истины. А ведь они, наверное, даже не знали ее имени.

Люда говорила вчера о том, что пресс-конференция неизбежна. Как и совет директоров компании «Медиаком», президентом которой Элле предстояло стать. Одного она не могла понять: почему сейчас и почему она? Единственное объяснение, которое в сотый раз за несколько дней приходило в голову, было слишком

болезненным. Но она не переставала об этом думать: Лиза Гончарова хотела ее наказать. В очередной раз.

Элла начала задыхаться. Обняла себя руками и бросилась в ванную, которая примыкала к спальне, чтобы умыться. Люда придет в ужас, но ей было все равно. Так же, как ее матери, которая вышвырнула ее за порог родного дома.

А потом настойчивый стук в дверь в очередной раз напомнил о том, что она должна поторопиться. Элла с трудом заставила себя влезть в платье, купить которое никогда бы себе не позволила; ноги на высоких каблуках пошатывались. Жемчуг, принадлежавший матери, так и остался лежать возле шкатулки. Ей нечего изображать из себя кого-то другого, тем более свою мать. Они с ней ни капельки не походили, и теперь Элла радовалась, что это именно так. И пускай, будучи наивной девочкой, она мечтала иметь такие же роскошные белокурые локоны и ослепительную улыбку, ни за что не пожелала бы себе такого горького финала. Елизавета Гончарова была не просто успешной деловой женщиной, но и ослепительной красавицей. Элла же была ее полной противоположностью — ошибкой далекой молодости: одна ночь с пьяным студентом здорово подпортила когда-то репутацию Лизы. Впрочем, журналисты любили смаковать подробности

«падения» своей любимицы, делая акцент на том, как блестяще она исправила прошлое, искупив грехи молодости. Лизу просто обожали.

Выходя в коридор, Элла больше не смотрела на свое отражение. Она очень хорошо знала, что там увидит. И к чему все эти тщательные приготовления, если в утренних газетах уже появилось фото с похорон, на котором тщедушная женщина в черном аккуратно вытирает глаза платочком, не решаясь поднять голову?

Возможно, вся эта шумиха и повышенный интерес вызваны лишь тем, что Лиза Гончарова так тщательно скрывала ото всех, где скрывается ее дочь, что сейчас это было просто неизбежно? Хотя для многих существование некой дочери вообще оказалось полной неожиданностью.

Люда осмотрела ее весьма скептически, что-то пробормотала себе под нос и велела идти следом. Отчего-то эта маленькая пухлая женщина с тугим пучком на затылке считала себя за главную в «Королевстве» Покойной Елизаветы Гончаровой. Элла еще не решила, как стоит к ней относиться. Чем-то Люда Терещенко смахивала на злобную фурию, была черства, не пользовалась духами и, кажется, никогда не расставалась с мобильным телефоном.

— Вы не имели права подхватить простуду посреди лета, — добавила Люда уже в коридоре,

когда они подходили к выходу из дома. За ними следовала кучка людей из личной свиты бывшей «Королевы компьютеров».

— Я не имела права вообще здесь быть! — с горечью парировала Элла.

— Не говорите об этом вслух и тогда, возможно, вы не сойдете за подкидыша.

Люда Терещенко невзлюбила ее с первого взгляда. Что, впрочем, и не удивительно: у матери не сохранилось ни одной ее фотографии или детского рисунка. Зато в гостиной на огромной каминной полке красовался фотоснимок любимого сына Лизы Гончаровой — Марка. Можно было не вглядываться, чтобы узнать на нем привлекательного молодого человека, а Элла очень хорошо помнила, как он выглядел тринадцать лет назад. Одно было странно: почему это фото до сих пор находилось здесь после всей прошлогодней скандальной шумихи? Лично Элла не хотела видеть это фото и вспоминать о сводном брате: он по-прежнему оставался таким же темным пятном в детских воспоминаниях, как и мать.

«— ...Это был мой личный дневник, Марк! Ты не смел лазить туда и читать! — услышала она свой собственный голос, надрывающийся от слез.

А потом и его, наглый, насмешливый:

— Не потому ли, что ты возомнила, будто влюбилась в меня и насочиняла всей этой ерунды?

— Почему ты думаешь, что я имела в виду тебя?

— Назови мне еще кого-нибудь из знакомых с именем Марк, рыжая...»

— Вот речь для пресс-конференции. Изучите ее по дороге в компанию, — из воспоминаний ее вырвал надменный голос Люды. — Никаких экспромтов. В компании не любят сюрпризов.

Это уж точно!

Самый большой сюрприз, который не понравился компании, — назначение нового президента. Почему только Марк так опарафинился, чтобы стать изгоем вместо того, чтобы восседать на месте, которое должно было принадлежать ему по праву?

— Отдел по связям с общественностью договорился, чтобы вас не трогали до пресс-конференции, — продолжала Люда, положив руку на дверную ручку, но не спеша открывать: она не успела сказать все, что хотела. — Если все же какой-то выскочка окажется чрезмерно любопытным, сделайте вид, будто оглохли.

Элла кивнула, вспомнив, что это было любимым трюком матери еще в детстве и в отношении нее самой.

До здания компании «Медиаком» они проехали два квартала. Элла читала написанную для нее речь и при этом делала вид, будто вникает в

смысл слов. На самом деле в голове было что угодно, но только не этот текст:

«Я, Элла Рубцова, считаю огромной честью стать во главе компании «Медиаком». Это новая история для всех сотрудников, в том числе и для меня. Елизавета Васильевна дала нам толчок в будущее. Со своей стороны я сделаю все возможное, чтобы, став ее преемницей, никого не разочаровать. Строго следовать укрепленной годами политике компании — с этого дня моя главная цель...»

Голова шла кругом, тело знобило, а перед глазами до сих пор мелькали вспышки фотокамер, которые преследовали ее, пока она не скрылась в салоне белого «Лимузина», принадлежавшего биологической матери. У Эллы было ощущение, что это никогда не закончится, что репортеры бесконечно преследуют ее, выкрикивая: «Правда ли, что вы дочь Лизы Гончаровой? Почему Лиза Гончарова вас скрывала? Вы на нее не похожи, вы действительно кровные родственники? Что случилось с Марком Гончаровым?...»

Шутка в том, что именно Марк, не будучи в кровном родстве с Лизой Гончаровой, был ей куда больше сыном, чем она, Элла, — родная дочь.

— Вам следовало оставить на лице косметику, — недовольно фыркала Люда, пока «Лимузин» медленно двигался вдоль шумного

потока машин. Странное замечание, учитывая, что сама она бесцветная и некрасивая, темно-русые волосы с серебристыми прядями собраны в тугий пучок, никакой косметики. — О вас напишут, что вы больны. Ваша мать никогда не позволяла себе болеть.

— Я не моя мать, — выдавила из себя Элла.

Она не знала, куда деть озябшие пальцы, поэтому впиалась костяшками в крошечную сумочку, которую ей вручила Люда вместе с остальной одеждой. Предполагалось, что Элла должна быть на седьмом небе от счастья, но ничего такого, к сожалению, не ощущалось.

— Разумеется! И более того: вся страна это заметит. Забудьте о провинции, в которой жили все эти годы, если не желаете навлечь на эту семью еще больший позор.

Элле не нужно было растолковывать, что имела в виду Люда. Эта женщина была отвратительно груба и высокомерна. Какое-то внутреннее чутье подсказывало Элле, что это еще не самое худшее, с чем ей предстоит столкнуться в этом чужом, странном мире. Главное, она незаметно скрестила пальцы, чтобы исчезнувший в неизвестном направлении Марк так и оставался исчезнувшим.

«— ...Хочешь конфету, рыжая? — у него была самая обаятельная на свете улыбка. Таким

идеальным ровным зубам можно было только позавидовать.

— Да, пожалуйста, Марк.

— Но ведь ты такая жирная. Рыжая и жирная. Тебе нельзя сладкое...»

Ей было пятнадцать, и она очень долго плакала, отказываясь поверить в то, что вновь обретенный сводный брат — такой подлый негодяй.

За прошедшие годы Элла выросла, перестала быть «жирной», дважды неудачно пыталась менять цвет волос, но так и не стала хорошенькой. Не такой как Лиза Гончарова, которую обожал Марк. Ей казалось, что собственный ум и спокойный характер куда лучше, чем пышный бюст и роскошная грива волос, а иногда хотелось завить от отчаяния, и только любовь приемных родителей помогала ей выжить в суровой действительности. Две любимые тетушки, Жанна и Таня, обожали ее тонкое чувство юмора и умение разгадывать кроссворды. Но разве эти качества помогут ей здесь, в мире, где она всегда будет чужой?

Не хотелось об этом думать. А здание «Медиаком» — огромное двадцатиэтажное с отливающими на солнце зеркальными стеклами — уже возвышалось за углом. Оно было гораздо мощнее, чем на многочисленных фото. Его основали Гончаровы в начале восьмидесятых годов.

Лизе, только-только окончившей колледж, очень повезло влиться в этот мир. Она обладала всеми необходимыми качествами, которые, как утверждалось в прессе, были заложены в ней самой природой: утонченными манерами, железной хваткой и расчетливым умом. Долгие годы она единолично царила в мире компьютерной техники, вытеснив своего мужа, Григория Гончарова, на лавы запасных. Вытеснив даже своего любимчика, Марка.

Элла невольно поразились видом здания вблизи. Мощные стены, сотня окон, поражающая воображение гигантская вывеска, которая гласила: «Лучше измени свой мир сейчас. И сделай это вместе с нами. Медиакон». Именно последняя и стала плодом гордости Лизы.

Водитель в строгой черной униформе, угрюмый и неразговорчивый, как и все, кто до этого служил Лизе Гончаровой, открыл для Эллы дверцу. В нос подуло странным запахом. Запахом денег. Еще одна вспышка фотокамеры. Люда что-то сказала насчет политкорректности и умения держать марку. А поскольку Элла не была одарена этими достоинствами, то не стала ничего отвечать. Спорить с этими людьми — бесполезно. Она это знала чисто интуитивно, руководствуясь опытом, полученным однажды.

— Вам лучше сделать все вместо меня, —

удалось ей сказать, когда монолог был окончен.

Люда Терещенко плотно сжала губы, не скрывая раздражение, затем она поправила несуществующие складки на своей черной юбке и царственно выплыла из машины.

Элла сделала шаг следом, потом ощутила, как что-то рядом со звоном треснуло. Она закрыла глаза, а очнувшись уже распростертая на горячем асфальте. Угрюмый водитель помогал ей подняться, а Люда, утратив былую надменность, испуганно набирала какой-то номер на своем мобильном.

— Придется приставить к нашему новому боссу охрану. В нее только что стреляли. — Потом она притихла. Последнее, что она сказала в трубку, шокировало Эллу гораздо сильнее, чем попытка покушения: — Тебе следовало немедленно сообщить, что Марка видели в городе! Это все объясняет.

2

Следующая половина дня пролетела словно в тумане. Элла двигалась как робот, произносила написанные для нее слова, знакомилась с какими-то людьми и принимала соболезнования. Она никак не могла забыть слов, услышанных от Люды, о том, что Марк в столице. Значило ли это, что выстрел,

предназначенный, скорее, чтобы спугнуть ее, был его рук дело? Этот человек был способен на любые подлости. Тринадцать лет назад он выжил ее из дома матери, а потом изнасиловал и саму мать. Хуже всего: он не испытывал ни малейших сожалений, совершая свои мерзкие злодеяния.

Она вспомнила, что не ела больше трех дней. Люда пыталась пичкать ее какими-то замысловатыми блюдами, когда читала нотации сегодня с утра. Элла едва пригубила глоток свежавыжатого сока.

— Вы ровным счетом ничего не смыслите в компьютерах, я прав? — осторожно обратился к ней главный менеджер компании, Александр Симоненко, после того как провел нечто вроде экскурсии по производственному отделу.

Элла вымученно улыбнулась, стараясь не замечать, что какой-то громадный тип, облаченный в черный костюм гробовщика, неотступно ходит за ней по пятам с тех пор, как Люда распорядилась на счет ее охраны.

— Я могла бы соврать.

— Но ведь вы этого не сделаете?

— Мне не нужна эта компания, — призналась она так тихо, чтобы ее никто не мог услышать, в том числе и десяток рабочих, занятых у станков, на которых выплавлялись материнские платы.

— Откровенно. Но не советую произносить

эти слова вслух. Особенно, когда дело коснется Марка.

— Что вы имеете в виду? — у Эллы не было желания говорить о Марке, но после случившегося у входа в здание, дурные мысли сделались невыносимы.

Очевидно, вовремя осознав степень собственной неосторожности, мужчина вежливо улыбнулся и попытался проскользнуть мимо щекотливой темы:

— Он был вице-президентом компании долгих семь лет.

Но не стал ее президентом, закончила Элла про себя. Ее амбициозный сводный брат обижен на весь мир, зол и по-прежнему опасен. И еще он, кажется, собрался ее убить. Она вздохнула и попыталась выяснить еще что-нибудь касательно этой темы, но мужчина ушел от ответов и посоветовал ей быть осмотрительней.

Он ей понравился. Александр Симоненко стал первым и единственным человеком в столице, который не смотрел на нее свысока. Элле он напоминал доброго Санта Клауса: приземистый, широкоплечий, с густой пепельно-серой бородой, его темно-карие глаза светились беспокойством. У ее приемного отца, Сергея, тоже была густая борода, и в детстве Элла обожала залазить к нему на колени, прижиматься к груди, а потом слушать

веселые истории о новых пассажирах его такси. Ее приемный отец работал таксистом и погиб в дорожной аварии тринадцать лет назад, в тот самый сложный год, когда ей исполнилось пятнадцать и она узнала наконец о том, кто ее настоящая мать.

— Дело в том, Александр Иванович, — начала Элла, сворачивая следом за мужчиной к лифту, — что я не задержусь здесь надолго.

Он казался удивленным, но ответил столь же сдержанно, как и все его предыдущие реплики:

— Именно так многие и полагают.

— У меня своя жизнь, вдали от столицы.

«И я вернусь обратно, как только смогу найти способ отказаться от наследства!»

— Говорят, вы выросли в деревне недалеко от Полтавы.

— В Хороле. Совершенно верно. У меня нет амбиций, я люблю свою работу, которую мне пришлось ненадолго бросить, и ни для кого не секрет: это место в «Медиаком» я заняла незаслуженно, — если бы Люда с ее железными убеждениями в том, что она должна говорить, а что нет, услышала бы ее сейчас, она, наверняка, закатила бы сцену. Но Элле было все равно: она устала чувствовать себя загнанной в угол.

Это было, впрочем, единственное откровение, которое Элла смогла себе позволить за весь день. Четвертью часа позже ее провели в зал для

заседаний. Красиво причесанная секретарша, которую звали Марина, открыла для нее стеклянные двери. Люда стояла позади, а у самого дальнего угла уже ожидал «секьюрити». Десяток пар глаз смотрел на нее с немым вопросом, никаких любезностей, никаких поздравлений и рукопожатий. Элла ощутила, как гадкий ком подступает к горлу.

— Элла Сергеевна, проходите, — наконец предложил Александр Симоненко, вставая из-за огромного стола. — Вот ваше место.

Она заняла высокое кресло, в котором всего неделю назад восседала Лиза Гончарова. По правую руку от нее сидел худощавый молодой человек с густой светлой шевелюрой и пронизательными тепло-зелеными глазами. Элла схватила стакан с водой и крепко сжала его в правой руке. Сейчас от нее требовалось произнести ту самую отвратительную речь, но она не могла выдать из себя ни слова и опустила глаза. Ее здесь ненавидели, и это было столь же очевидно, как и то, что она занимала чужое место. Каждый здесь присматривался к ней, пытаясь уловить хотя бы малейшее сходство с бывшей «Королевой». В какой-то момент Элла хотела подняться и убедить саму себя в том, что все это — неудавшийся розыгрыш.

Стрелка на огромных антикварных часах у

противоположной стены тем временем коснулась отметки в три часа.

Потолок как будто опускался все ниже. В начищенной до блеска поверхности длинного светло-серого стола Элла нашла свое собственное отражение: запуганная девочка, приехавшая в столицу с надеждой увидеть родную мать, снова появилась. Кто-то постучал концом дорогой шариковой ручки по столу, выражая нетерпение, а молодой человек в очках вежливо распорядился, чтобы на окнах опустили жалюзи. В огромной комнате становилось душно. Упитанный старик, который сидел напротив Эллы, вытер платком испарину на лбу и раздраженно пробормотал:

— Включите же кондиционер!

— Итак, начнем с самого, пожалуй, неприятного, — заговорил молодой человек в очках, обращаясь непосредственно ко всем, кроме Эллы. О ней будто вообще забыли, и это позволило ей хорошенько осмотреться. — Сегодня утром представители «Студио-Вей» разорвали с нами контракт. Никаких объяснений или извинений. Буквально десять минут назад надежный источник сообщил мне, что наш давний партнер устроил этот маленький саботаж не просто так.

— Объясни, Миша, — настороженно попросил «толстяк».

Молодой человек по имени Миша аккуратным

жестом потер переносицу, чуть приподняв очки, и продолжил:

— У Елизаветы Васильевны были враги. Нам это хорошо известно. Похоже, кто-то из них надумал сорвать «Медиакому» миллионную сделку. Компанию «Студио-Вей» выкупила никому не известная фирма из пригорода. И это у нас перед носом.

— Что за фирма? — возмутилась Люда.

— Хороший вопрос, — тот, кого все звали Миша, почесал затылок. Он начал потеть.

— У Марка бы на это не хватило денег и фантазии, — продолжала Люда после того, как Миша не смог дать ответ. — Он действует куда более изощренно.

«Например, пытается убить свою сестру!» — закончила ее мысль Элла, внимательно вслушиваясь в разговор и наконец начиная что-то улавливать.

— Загвоздка в том, что пока нам не удалось выяснить об этой фирме ровным счетом ничего: ни точного адреса, ни владельца, — объяснил свою обеспокоенность Миша.

— Ты — вице-президент! Вот и придумай, как это сделать, — «толстяк» что-то записал в своем блокноте, об Элле по-прежнему не вспоминали.

— Лучший способ — поймать предателя и прижать к стенке, — высказал свою идею

вице-президент. Элла его полностью поддержала бы, если бы ее спросили.

— Его видели в столице, — напомнила Люда. — Нам пока не удалось связать выстрел возле здания компании с неожиданным появлением Гончарова, но мы все знаем, что он умеет ловко заметать следы.

— Хорошо, что никто не пострадал.

— Это было средство запугивания, не более того. Стреляли из здания напротив, с крыши кофейни «Ти-Тайм». Промажнуться было сложно. Сейчас эксперты тщательно проверяют пулю. Может, удастся установить владельца. А кое-кто из полиции уже занят поисками Марка.

Миша что-то тщательно обдумывал, занес какую-то пометку в свой органайзер на мобильном и затем обратился к «толстяку»:

— Проверьте все относительно новые фирмы в области. Отчет предоставьте мне завтра с утра. Кроме того, нужно подготовить все необходимые бумаги для участия в тендере...

Совершенно забыв о тех неприятностях, которые уже успел доставить компании Марк, молодой вице-президент выслушал несколько предложений по поводу рекламы, внес в месячный план некоторые поправки и ни разу не обратился к самому «президенту».

Элла была рада и смущена одновременно. Она

ровным счетом ничего не смыслила в компьютерах, тендерах, захвате чужих компаний и преследованиях. А вот молодой вице-президент чувствовал себя как рыба в воде: знал, что сказать и кому утереть нос. Вероятно, Лиза успела его многому обучить и гордилась своим помощником. Как когда-то Марком. Впрочем, о Марке думать не хотелось и то, что его имя больше не упоминалось за столом, почти вернуло Элле утраченное равновесие после сцены с покушением.

Все, однако, вернулось обратно часом позже. На пресс-конференции, которую давали исключительно в ее честь, Элле не удалось избежать внимания. И первым вопросом, на который ей пришлось отвечать отнюдь не по сценарию, был вопрос о том, что она чувствует, заняв место Марка Гончарова в кресле президента компании «Медиаком».

Люда стояла рядом возле стула, на котором сидела Элла. Журналисты из самых разных изданий столпились напротив. Им было запрещено заходить за специальную оградку, которую охраняло несколько секьюрити, но даже после того, как их улестили шведским столом в вестибюле «Медиаком», они не поумерили своей жажды крови.

Кто-то повторил тот же вопрос, но другими словами. Элле пришлось собрать в кулак всю свою

силу воли, чтобы с любезным выражением лица ответить:

— Я ничего не чувствую, потому как решение о выборе президента компании принимала не я.

— Означает ли это, что при встрече вы пожмете Марку Гончарову руку? — продолжалось следом.

Ее откровенно загоняли в тупик. Составленная заранее речь не давала ответов на подобные вопросы.

— Мы с ним почти не знаем друг друга, — все, что сумела выдать из себя Элла.

— Вы готовы поддерживать теплые отношения с братом?

— Я выросла без братьев и сестер.

— А думали ли вы о том, чтобы вернуть Марка в семью?

— Нет, у меня не было для этого времени.

— А что если...

У Эллы кружилась голова. Ей пришлось ответить на десятки вопросов личного характера, пока Люда не вышла вперед и не объявила об окончании пресс-конференции. По ее насупленному лицу было видно, что она явно недовольна, при этом она выполняла свою работу с присущим ей энтузиазмом. Но прошипела так, чтобы только Элла могла ее услышать:

— Это полный провал.

«Полный провал» — это само ее существование. Элла плотнее обхватила себя руками и откинула голову назад на сиденье в салоне «Лимузина», когда они возвращались обратно в чужой мрачный дом.

— Вы хотя бы понимаете, что находитесь на волосинке от того, чтобы разрушить все, что было так дорого для вашей матери? — спросила Люда, убирая мобильный в сумочку.

— Возможно, но она мне не мать, — Элла не открывала глаз.

— Елизавета Васильевна вписала вас в свое завещание около года назад. Собиралась сделать «подарок», хотя я ее отговаривала. Наследником был Марк.

— Полагаю, ненависть к нему за то, что он сделал, превысила чувство презрения ко мне.

Люда никак это не прокомментировала. Странно, за три дня знакомства Элла успела заметить, что этой женщине всегда есть, что сказать. Ответив на очередной телефонный звонок словами: «Ясно. Сделайте все необходимое», — она снова повернулась к ней.

— Марк снова засветился. Недалеко от «Медиаком» через полчаса после того, как в вас стреляли. Его узнал продавец в кофейне. Если ему удастся подкрасться к вам, несмотря на охрану, звоните в полицию. Вы ведь умеете пользоваться

телефоном? — надменно уточнила Люда, указывая на ее сумочку, в которой лежал дорогой мобильный, врученный Элле вчера вечером.

— Постараюсь ничего не перепутать, — Элле не хотелось указывать на тот очевидный факт, что в столицу она приехала со своим собственным телефоном и все-таки выросла не в дикой глуши.

Люда тем временем продолжала прерванный разговор:

— Вы ведь знаете, как выглядит Марк?

— Думаю, что узнаю его, если такая необходимость появится.

Когда-то она считала Марка самым красивым мальчиком в мире: высокий, стройный, с вьющимися черными волосами и золотистыми глазами он поразил ее воображение тринадцать лет назад при первой встрече. Ему было девятнадцать, и Элла ничего так не хотела, как подружиться с ним. Но за короткую неделю пребывания в доме у матери, она не только умудрилась влюбиться в своего же собственного сводного брата, но и нажить при этом себе главного врага.

Спустя более чем десять лет Марк ничуть не изменился. Элла слишком часто натыкалась на его фотографии в газетах: скандальная репутация, вереница разбитых сердец... Да, конечно же, она его узнает и ни на метр не позволит приблизиться к себе. Люде не стоило волноваться на этот счет.

— Почему вы считаете, что он станет искать встречи со мной? — спросила Элла, открыв глаза.

— Марк уничтожил Елизавету Васильевну, потому что она стояла у него на пути. Сейчас именно вы, Элла, — та досадная неприятность, которая отделяет его от семейных миллионов.

— Я могла бы просто уехать.

— Еще бы! Вы ни на что не способны.

Люда поджала губы, давая понять, что разговор на этом закончен, а она по-прежнему настроена решительно, чтобы затоптать «подкидыша» лицом в грязь. Закончив разговор короткими инструкциями о том, что весь завтрашний день ей придется «пожинать плоды своей никчемности», Люда оставила Эллу одну в большом доме наедине с неразговорчивым секьюрити и собственными тяжелыми воспоминаниями.

Добравшись до спальни, в которой она провела две последние ночи, Элла сняла с себя платье и туфли, казавшиеся такими инородными. Со своей небольшой дорожной сумки она достала растянутый мягкий свитер, который доходил ей до колен, закуталась в него и легла на кровать. Нужно будет дать знать тетушкам, что с ней все в порядке. Возможно, солгать. Пока Элла не была к этому готова. Она вообще не была готова к тому, что ее жизнь так круто изменится, и до рези в глазах

хотела вернуться обратно: в скромную двухкомнатную квартиру, которую после смерти приемных родителей делила с тетушками, слушать их ворчливые перебранки, ездить за рулем своих древних «Жигулей» и приглядывать за ботаническим садом, где работала.

Лиза Гончарова не имела права после стольких лет впутывать ее в семейные перебранки. Элле здесь не место — она уяснила это еще давно.

Перед глазами то и дело мелькали образы сегодняшнего дня. Она долго не засыпала, несмотря на ломоту во всем теле. Нужно будет купить лекарства, подумала Элла, засыпая. Но она не собиралась использовать для этого кредитные карты Лизы Гончаровой, оставленные ей Людой на комоде возле кровати. У нее имеются свои собственные небольшие сбережения. Она не притронется к тому, что принадлежит Марку.

«— Это мой дом, рыжая, — донеслось откуда-то из бессвязных воспоминаний. — Ты не имеешь права здесь находиться...»

— Ты не должна здесь находиться, — услышала Элла, причем голос звучал настолько реально и зловеще, что она невольно проснулась и вскрикнула.

Прямо над изголовьем кровати нависала огромная фигура, едва различимая в лунном свете. Ее хриплый стон заглушила ладонь, крепко

сдавившая лицо.

3

Ей хотелось кричать. Именно сейчас она должна схватить телефон и набрать полицию. К сожалению, Элла не могла ни кричать, ни шевелиться: Марк Гончаров одной рукой сжимал ее рот, а другой — запястья.

Она его узнала. Хотя не сразу.

Черные, довольно длинные волосы зачесаны назад, смуглое лицо покрыто густой щетиной, квадратный подбородок выпячен вперед, в золотисто-янтарных глазах — что-то очень зловещее. На нем была черная тенниска, синие джинсы и коричневые мокасины. Он стал еще выше и гораздо сильнее. Тринадцать лет назад, когда Марк затащил ее к себе в комнату и повалил на кровать, Элле удалось вырваться из капкана его рук. Сейчас она не могла даже пошевелиться. Несколько попыток лягнуть его ногой, кажется, вообще остались для него незамеченными. Ее старший брат вырос, стал сильным и мерзким, как дьявол.

— Давно не виделись, сестренка.

Кривая ухмылка исказила его полные губы. Этими самыми губами он пытался ее поцеловать когда-то. Элла ощутила, как отчаяние одолевает ею.

Как он пробрался сюда? Неужели убил охранника, который должен был ночевать в комнате на первом этаже недалеко от кухни? И если это действительно так, то теперь никто и ничто не помешает ему прикончить ее.

— Вижу, ты удивлена. Я вырос в этом доме и знаю, как пробраться сюда незамеченным. На всякий случай я позаботился о том, чтобы твой сторожевой пес не побеспокоил нас какое-то время, — похоже, Марк прочитал ее мысли и решил ответить на все вопросы. Закончив, он сказал, не скрывая презрения: — Нам нужно поговорить.

Элла не собиралась с ним говорить. И она об этом непременно сказала бы, если бы ее не лишили такой возможности. Марка данное обстоятельство не особенно волновало.

— Ты плохо вела себя на пресс-конференции. Как же родственные чувства?

Значит, Марк все это время был гораздо ближе, чем все вокруг подозревали! Он знал, о чем шла речь на пресс-конференции еще до того, как она вышла в эфир. Должно быть, ему удавалось оставаться незамеченным и шпионить за ней. Озноб прошел по коже, сделав ее гусиной.

Элла попыталась вырваться из крепких тисков, но Марк только сильнее сжал ее запястья и присел на кровать.

— У тебя ледяные руки. Боишься? Это

хорошо, рыжая, потому что тебе следует убраться отсюда немедленно.

Он снова звал ее «рыжая»! Элла ощутила себя такой же слабой и безвольной, как когда-то. Оказывается, ничего не изменилось. Разве что ее ненависть к так называемому брату стала намного сильнее. Как же ей хотелось вырваться и проделать с ним все то, что он сделал с ней!

— Тебе здесь не место, и ты сама об этом знаешь. Если только не ждешь подходящего момента, чтобы снова клясться мне в любви, — это прозвучало настолько отвратительно, что Элли едва не стошнило. А Марк продолжал с усмешкой: — Это было огромной глупостью с твоей стороны, рыжая.

Он не объяснил, что именно он имел в виду под словом «глупость»: ее любовь или появление не на своем месте. Элле, впрочем, было все равно: и то, и другое было чудовищными ошибками. Самыми большими в ее жизни.

— Собирай чемоданы и убирайся отсюда. Хоть раз поступи правильно.

Если он хотел ее запугать, это у него отлично получилось. Элла как будто утвердительно кивнула головой, он медленно убрал руку с ее лица и отвернулся.

Она закричала изо всех сил.

— Не старайся так, рыжая. Твой

телохранитель тебя не услышит, — это звучало с раздражением. Рот ее, однако, он больше не сжимал.

— Ублюдох, — прошипела Элла, не подозревая, что способна на такой всплеск эмоций. — Хочешь убить меня? Давай! Доведи свое мерзкое дело до конца.

— Поосторожней с желаниями, рыжая, — предупредил он ледяным тоном.

— И не смей называть меня так!

Марк накрутил на ладонь ее локон, упавший на лицо, как будто что-то проверял:

— По-прежнему рыжая.

— Убери от меня свои грязные руки!

— Я плюну в лицо тому, кто пытался убедить меня, будто моя маленькая сестричка — тихая овечка, не способная связать двух слов.

— Когда ты сгниешь за решеткой, я выпью за это.

— Еще и алкоголичка?

— Ненавижу тебя!

Она умудрилась освободить одну руку и изо всех сил замахнулась. Удар пришелся аккуратно по подбородку Марка.

— Это тебе за то, что сделал со мной в детстве.

— Нехорошо хранить обиды, — холодно процедил он.

— Что ты вообще об этом знаешь? Ты — чудовище.

Элла бросилась следом, едва Марк отпустил ее и направился к двери. Негодяя ничуть не коробили те оскорбления, которые прозвучали в его адрес. А Элла, забыв, что первым делом должна звонить в полицию, бросилась следом, шлепая босыми ногами по лестнице.

Уже у самого подножия Марк остановился, бросил на нее короткий взгляд и жестко сказал:

— Тебе придется уехать, рыжая. Я тебя предупредил.

Когда Марк скрылся в темноте, Элла немедленно бросилась в комнату, где, оглушенный ударом по голове, лежал ее охранник. На ходу выкрикивая слова о том, что они должны немедленно вызвать полицию, Элла выбежала из дома. В ночных сумерках не было и следа Марка. Он исчез так же бесследно, как и появился. Но он приходил. Запястья до сих пор горели в том месте, где Марк сжимал их. Элла одернула свитер, вдруг осознав, что Марк видел слишком много из того, что не следовало. И все же он не попытался ее изнасиловать или убить...

Ошарашенная, взволнованная Элла вернулась в спальню. Охранник еще несколько раз осмотрел каждый угол. Люда, которая примчалась еще раньше, чем полицейские, выражала крайнюю